

Ци Хэли лежал на кане, подперев голову руками перед низким столиком, и глупо улыбался, глядя на цветущую ветку белой сливы в вазе.

Каждое утро, едва открыв глаза, он первым делом бежал к ней. Но сегодня, вглядываясь в нежные лепестки, он вдруг изменился в лице и отчаянно закричал:

— Почему одного цветка не хватает?!

— Отцвела вот и опала, чего шуметь-то? — равнодушно отозвалась Яньчжи, входя в комнату с подносом.

— А где лепестки?

— Выбросила, конечно.

— Как выбросила?! — Хэли будто с ума сошел. Он напустился на служанку с такой яростью, что та, не выдержав обиды, разрыдалась, закрыв лицо руками.

— Совсем рассудок потерял, глупый мальчишка! Своих от чужих отличить не можешь! — на шум прибежала наложница Чжоу. Она прижала к себе плачущую Яньчжи и принялась утешать её: — Полно, милая, не плачь. Придет день, он еще приползет к тебе вымаливать прощение.

Ци Хэли молча забрал вазу и унес в свою спальню. Он даже не притронулся к завтраку. Не обращая внимания на причитания матери и слезы служанки, он развернулся и ушел, сердито взмахнув широким рукавом.

Расстроенная Яньчжи отправилась в каморку для прислуги, чтобы умыться. Шуйфэнь, подпирая дверной косяк, ехидно прыснула:

— Раньше ты надо мной насмеялась, твердила, будто я тешу себя несбыточными надеждами. Но сама-то, гляжу, просчиталась! Нашему второму молодому господину какая-то увядшая ветка дороже живого человека. Ох и горазд же он ранить чужие сердца.

Яньчжи лишь холодно усмехнулась в ответ:

— Зато старший молодой господин у нас невероятно заботлив. По десять раз на дню бегают в Павильон Слушания Дождя. Слыхала, недавно он через третьих лиц какую-то диковинную кошку раздобыл. Интересно, для кого бы это? Уж не для тебя ли?

Шуйфэнь, оставшись ни с чем, лишь недовольно закатила глаза и сердито ушла.

Последние несколько дней Ци Хэли только и думал о том, что подарить Цзян Мэнчжэню в ответ. В конце концов он решил, что лучшим подарком станет котенок.

Он принялся расспрашивать слуг и прослышал от закупащика, будто в заднем переулке бродячая кошка принесла приплод. Вот только зима выдалась суровой, и в живых вряд ли кто остался. Загоревшись этой мыслью, Хэли отыскал то укромное, защищенное от ветра место. Там действительно притаилось кошачье семейство — четыре черно-белых котенка лежали, тесно прижавшись друг к другу. Хэли осторожно коснулся их: трое уже окоченели, и лишь последний едва заметно сучил лапками. Не раздумывая, юноша бережно спрятал умирающего кроху в ладони, согревая его своим дыханием.

В этот момент вернулась мать-кошка. Завидев, что у неё крадут детеныша, она с яростным шипением бросилась на него, точно дикая тигрица. Хэли отпрянул, но кошка успела полоснуть его когтями по тыльной стороне ладони. Кровь брызнула ручьем. Юноша бросился наутек, на бегу выхватив из-за пазухи заготовленную сушеную рыбу и бросив её позади себя — посчитал, что сделка совершена честно.

Забравшись в дровяной сарай, Хэли прижал полуживого котенка к груди. Он представлял, как обрадуется Цзян Мэнчжэнь, как расцветет его лицо улыбкой, и эта мысль грела его сильнее любого очага. Хэли даже не вспомнил про разодранную до крови руку. Прислонившись к вязанке дров, он мечтательно прошептал:

— Ну надо же, какой ты счастливцев, малыш! Твой будущий хозяин — самый нежный, самый добрый и самый красивый человек на всем белом свете.

— Он будет гладить тебя, носить на руках, играть с тобой... А еще — скажу по секрету — от него так чудесно пахнет... Как же я тебе завидую. Ах, если бы я тоже мог стать котенком!

Хэли приоткрыл ворот одежды и легонько коснулся пальцем крохотного лба, уткнувшегося ему в грудь:

— Ты теперь знаешь мою тайну. Смотри, не проболтайся ему...

Спустя несколько дней заботливого ухода котенок окончательно окреп и пошел на поправку. Шерстка у него росла неровной и пестрой, но сам он оказался настолько игривым и ласковым, что не мог не вызывать умиления.

Сгорая от нетерпения, Хэли бережно понес свой живой подарок в Павильон Слушания Дождя. Однако на полпути он услышал девичьи голоса. За кустами переговаривались две служанки:

— Ох, до чего же статен этот Золотой тигр, которого подарил старший молодой господин!

— Еще бы! Слыхала, кошек такого редкого окраса днем с огнем не сыщешь. Породистый, благородных кровей — сколько сил ушло, чтобы его раздобыть!

— Наш молодой господин просто души в нем не чает. Из рук целый день не выпускает.

— Как думаешь, кто ему милее — сам котенок или тот, кто его подарил?

Девушки весело рассмеялись, а Хэли застыл, словно облитый ледяной водой. Он посмотрел на невзрачного, пестрого котенка у себя на руках, и вся его решимость испарилась. Он не мог сделать больше ни шагу к Павильону Слушания Дождя. Все его надежды и мечты разбились в прах.

Он вернулся в темный дровяной сарай, сел на корточки и, потирая длинный свежий шрам на руке, тихо прошептал:

— Нас опередили... Что же делать теперь? Вернуть тебя матери? Но я с таким трудом выходил тебя. Оставляю здесь — пропадешь ведь.

Котенок ласково замурлыкал, трусь об его ноги. У Хэли защемило сердце — до чего же они были похожи. В его душе внезапно всколыхнулась упрямая, горькая злость:

— Если ты беспородный, облезлый найденыш, то и любить тебя некому? Не верю! Пускай ты не нужен ему... Я сам тебя выращу!

Одни рождаются под счастливой звездой, окруженные почетом, другие — несут клеймо своего происхождения как пожизненный приговор. Заботясь об этом несчастном зверьке, Хэли выхаживал словно бы самого себя — вечно гонимого, презираемого и лишенного капли тепла.

Наложница Чжоу до смерти боялась кошек, поэтому Хэли приходилось прятать питомца в сарае. Почти все свои скромные сбережения он тратил на корм для него.

Когда стаял последний снег и выдался погожий теплый день, Хэли, прихватив сверток сушеной рыбы, направился к заднему двору. На пороге он едва не столкнулся с поспешно уходившей Шуйфэнь. Юноша мгновенно спрятал рыбу за спину и спросил, прищурившись:

— Ты чего здесь забыла?

— Ничего... просто так, — засуетилась Шуйфэнь, поправляя волосы на висках. — Тётушка-наложница послала меня разыскать тебя. Говорит, ходишь тут в последнее время сам не свой, вынюхиваешь что-то. Наверняка опять пакость какую-то задумал.

— Вовсе нет, — как можно непринужденнее буркнул Хэли. — Я за деревьяшками пришел.

Обещал сыну тётушки Хуа с соседней улицы выстругать игрушечную лошадку.

— Ладно, стругай. Только к ужину не опаздывай, — не став расспрашивать, служанка быстро зашагала прочь.

Радостный Хэли выпустил котенка из сарая и принялся дразнить его сушеной рыбешкой, заставляя высоко подпрыгивать. В самый разгар веселья зверек вдруг замер, наострил уши и вперил напряженный взгляд в густые заросли травы. Спустя мгновение стебли заколыхались, и на поляну неторопливо выкатилась сытая, холеная рыжая кошка. Её шерсть переливалась на солнце благородным золотом, точно дорогой шелк.

Незванный гость превосходил котенка размерами чуть ли не вдвое, однако маленький боец и не думал отступать. Прижав уши и вздыбив шерсть на загривке, он яростно бросился на чужака, защищая свои владения.

— Так его! Задай ему! — Хэли восторженно захлопал в ладоши.

Мимо как раз проходили кухонные слуги. Завидев кошачью потасовку, они тоже остановились поглазеть, весело улюлюкая.

Черно-белый задира поднялся на задние лапы и принялся нещадно молотить соперника по морде. Напор его был настолько свиреп, что золотистый щеголь лишь жалко вжимал голову в плечи, не успевая отбиваться. Оказавшись зажатым в углу, рыжий кот вдруг истошно, дико взвизгнул, взлетел вверх на три чи и замертво рухнул на землю. Из его пасти, носа и ушей хлынула темная кровь.

Хэли и притихшие слуги ошеломленно уставились на безжизненное тело. В этот момент на поляну выбежал взмыленный служка. Увидев мертвую кошку, он всплеснул руками и истошно завопил:

— О боги! Какая тварь сжила со свету эту драгоценность?!

— Подумаешь, кошка издохла, — фыркнул один из кухонных мужиков. — Чего голосишь, будто по родному отцу плачешь?

— Да какая это тебе кошка?! Это Золотой тигр! Он подороже всех твоих родичей будет! — служка аж запрыгал от злости. — Этот зверь — подарок старшего молодого господина молодому господину Цзяну! Я лишь на миг отвернулся, а он шмыгнул в кусты. Его сейчас вся усадьба ищет! Ну-ка стоять всем! Живо со мной к госпоже! Кто-то за это точно ответит головой!

Услышав про расплату, зеваки мигом растеряли былую веселость.

— Я видел! — поспешно выкрикнул один из них, указывая пальцем на Хэли. — Это беспородная тварь второго молодого господина загрызла Золотого тигра! Мы тут вообще ни при чем!

— Точно-точно! — поддакнул другой. — Когда его облезлый кошка драл господского любимца, второй молодой господин лично радовался да в ладоши хлопал! Видать, зависть его загрызла, вот он нарочно своего зверя и натравил! Беги скорее к госпоже, пусть покарает паршивца. Вечно от этих наложничьих выроdkов одни беды! Тьфу!

Хэли остолбенел от такой низости. Те, кто только что весело подначивал и улюлюкал, в мгновение ока превратили его в злодея. Котенок, недоуменно склонив голову набок, уставился на кричащих людей. Не понимая, что происходит, он упрямо задрал хвост трубой и принялся тереться о сапог юноши, выпрашивая очередную рыбешку.

— Ах ты, тварь паршивая! — багровея от злости, служка замахнулся, намереваясь схватить котенка и разбить ему голову о камни.

Но Хэли оказался быстрее. Он выхватил котенка, прижал к себе и наотмашь влепил наглецу звонкую пощечину.

— Только тронь его! — прорычал он.

Служка покатился по земле, скуля от неожиданности. Он и подумать не мог, что тихий, незаметный второй молодой господин посмеет поднять на него руку. Вскочив на ноги, он затрясся от злости и ткнул пальцем прямо в лицо Хэли:

— Да кто ты такой, чтобы передо мной барские замашки показывать?! Выродок бесправный! — С этими словами он намертво вцепился в одежды юноши и поволок его за собой. — А ну пошли! Пошли к старшему молодому господину и госпоже! Живо!

Хэли приволокли на парадный двор. Выслушав путаные, щедро приправленные ложью жалобы слуги, госпожа Ци даже не потрудилась выслушать оправдания. Её тонкие брови взлетели вверх от гнева, и она обрушилась на пасынка с бранью:

— Да чем же старший брат тебе так не угодил, что ты исходишь такой черной завистью?! Докатился — уже на невинных бессловесных тварей бросаешься!

В эти дни госпожа Ци и без того была сама не своя от ярости. Старый господин Ци вознамерился ввести в дом новую наложницу. Ходили слухи, что эти двое давно тайно сошлись, и девка уже понесла, оттого старик и спешил узаконить её положение. Попад под горячую руку разгневанной мачехи, Хэли был обречен.

— Развели тут прихвостней, всю усадьбу загадили! — бушевала госпожа Ци. — Сжить нас с сыном со свету мечтаете? Не дождетесь!

— Живо несите плеть! — хлопала по столу госпожа Ци. — Высечь его прямо во дворе! Десять ударов для начала, пускай во всем сознается! А станет отпираться — бейте, пока не заговорит!

Прежде Хэли непременно принялся бы плакать и доказывать свою невиновность. Но за последнее время он успел повзрослеть. Юноша понимал: этой порки ему не избежать. Ни один человек в этом доме не посмеет перечить разгневанной госпоже, и никто не заступится за беззащитного полукровка. Он лишь упрямо сжал губы и замолчал.

Служка с алеющим следом от пощечины на щеке злорадно ухмыльнулся.

Раздался свист рассекаемого воздуха. Плеть с глухим треском опустилась на спину юноши. Хэли содрогнулся. Даже плотная зимняя одежда не уберегла его: кожу мгновенно пронзила острая, жгучая боль, спину словно полоснуло раскаленным железом. Он лишь крепче прижал к себе котенка, пряча его под полами халата. С каждым ударом по его лицу катились крупные капли пота, разбиваясь о холодные плиты двора, но он не издал ни единого стона.

— Прекратить! — раздался громкий, властный голос.

Во двор поспешно вбежал Ци Фэнцзю. Увидев творящееся бесчинство, он грозно окрикнул слуг и быстрым шагом направился в покои матери.

Следом за ним показался встревоженный Цзян Мэнчжэнь. Увидев распластанного на земле Хэли, он испуганно ахнул и бросился к нему, пытаясь помочь подняться:

— Мин-гэер! О боги, что случилось? За что тётушка так разгневалась на тебя?

— Братец Мэн... — Хэли с трудом поднял голову, прерывисто дыша. На его спине сквозь разорванную ткань зимнего халата уже проступали багровые пятна крови. Заметив блеснувшие в глазах гостя слезы, он испуганно прошептал: — Твои глаза... они заплаканы... Это из-за кота, да? Не плачь, умоляю... Это не я, видит небо, не я его погубил! Я бы ни за что не заставил тебя страдать...

Губы юноши были искусаны в кровь, голос прерывался и дрожал, слова давались ему с огромным трудом. Мэнчжэню больно было смотреть на его мучения:

— Молчи, ничего не говори! Тебе нужно срочно перевязать раны. Позовите лекаря!

Ци Хэли смотрел на его влажные, темные глаза, напоминающие чистые весенние заводи. Дрожащей, испачканной в крови рукой он бережно вытащил из-за пазухи притихшего котенка:

— Твой кот погиб... Возьми этого взамен. Только не плачь, прошу...

Заметив, что Мэнчжэнь замер в нерешительности и не спешит забирать подарок, Хэли решил, что тот брезгает неказистым беспородным зверьком. Слезы, которые он так упорно сдерживал во время жестокой порки, хлынули из его глаз неудержимым потоком. В его голосе смешались детская обида и отчаянная мольба:

— Он очень послушный... Правда. Братец Мэн, усынови его, пожалуйста...

Сердце Мэнчжэня сжалось от щемящей тоски и сострадания. Он осторожно стер слезы с бледного лица юноши, принял из его рук котенка и ласково кивнул.

Хэли облегченно вздохнул. На его измученном лице промелькнула слабая, счастливая улыбка. Напряжение спало, силы окончательно оставили его, и он потерял сознание, бессильно склонив голову на плечо спасителя.

<http://bllate.org/book/19598/2002401>